

На правах рукописи

ЗУЕВА Елизавета Владимировна

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСКАЗАННЫХ ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА НА
ЛИТЕРАТУРНУЮ ФОРМУ «ДИАЛОГА С ТРИФОНОМ ИУДЕЕМ»
СВ. ИУСТИНА ФИЛОСОФА

Специальность 10.02.14 –
Классическая филология, византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор
Шичалин Юрий Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук
Доброхотов Александр Львович
ГОУ ВПО «Государственный университет
Высшая школа экономики»

кандидат филологических наук
Белоусов Алексей Владиславович
Исторический факультет
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова

Ведущая организация: Учреждение Российской академии
наук «Институт философии РАН»

Защита состоится « » июня 2011 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, I учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « » мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

 О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена историко-литературному и филологическому анализу «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа» (далее – «Диалог») и оценке влияния на его литературную форму пересказанных диалогов Платона. Св. Иустин Философ (нач. II в. – 165 г.), несомненно, является самой яркой фигурой среди всех христианских апологетов II в. О высоком авторитете «предивного» Иустина (ὁ θαυμασιώτατος Ἰουστῖνος, Tat. *Adv. gent. contr.* 18) в древней Церкви свидетельствуют не только частые ссылки и заимствования из его творений у последующих церковных писателей, но и многие приписываемые ему подложные сочинения. «Диалог» – одно из трех сохранившихся аутентичных сочинений св. Иустина Философа¹, считающееся образцом для диалогов подобного рода².

В отечественных и современных западных исследованиях, учебниках по патрологии и работах по раннехристианской литературе, либо посвященных «Диалогу» св. Иустина, либо рассматривающих его в составе общего изложения литературы II в., это сочинение обычно трактуется как хорошо изученное и понятное. При этом, целый ряд важнейших вопросов, связанных как с формой «Диалога», так и с его содержанием, так и не получил окончательного решения в современной науке. Так, исследователи св. Иустина единодушно утверждают, что композиция «Диалога» достаточно проста³. Но некоторые композиционные особенности «Диалога», связанные, как будет показано далее, именно со спецификой его жанра, обычно объясняются литературной безыскусностью сочинения⁴ и писательскими недочетами⁵. Вопрос

¹ Полный корпус дошедших до нас подлинных и традиционно приписываемых св. Иустину сочинений сохранился благодаря единственной рукописи XIV в. (1364 г.), Cod. Parisinus graecus 450 (=A), содержащей двенадцать приписываемых ему сочинений и фрагмент «О воскресении», и ее апографе, cod. Musei Britannici, Loan 36/13 (= B, 1541 г.) (*Marcovich M. Iustini Martyris Dialogus cum Tryphone. Berlin-New York: Walter de Gruyter. GmbH, 1997 (2005²). P. 1, 6*). Среди древних авторов первым наиболее подробный список из восьми приписываемых св. Иустину трудов приводит Евсевий (*Euseb. Hist. eccl. IV.18*). В завершении списка Евсевий указывает на наличие «многочисленных других трудов» Иустина Философа у «многих братьев» (*Hist. eccl. IV, 18.8-9: ... πλείοστα δὲ καὶ ἕτερα παρὰ πολλοῖς φέρεται ἀδελφοῖς τῶν αὐτοῦ πόνων*). На данный момент полный список подлинных сочинений св. Иустина Философа восстановить невозможно, поскольку некоторые из них утрачены, а большинство из приписываемых сочинений признаны подложными. Аутентичными являются только две «Апологии» и «Диалог с Трифоном иудеем». Остальные, вероятно, достаточно многочисленные труды св. Иустина, самым значительным из которых считается «Сочинение против всех появившихся ересей» (*Σύνταγμα κατὰ πασῶν τῶν γεγενημένων αἰρέσεων*, ср. 1 *Apol. 26.7*), утрачены рано.

² *Реверсов И. П. Апологеты. Защитники христианства. 1898. СПб., 2002². С. 57.*

³ Общее представление о ней мы встречаем у многих авторитетных патрологов: *Quasten J. Patrology. Maryland, 1986. Vol. I. P. 203; Skarsaune O. The Proof from Prophecy. A Study in Justin Martyr's Proof-Text Tradition: Text-Type, Provenance, Theological Profile. Leiden: E.J. Brill, 1987. P. 165; Kannengiesser Ch., ed. Handbook of Patristic Exegesis: The Bible in Ancient Christianity. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2004. P. 434; Marcovich M. Op. cit. P. 23–61.*

⁴ Подробнее см. *Bobichon Ph. Justin Martyr. Dialogue avec Tryphon. Édition critique, traduction, commentaire. 2 vol. Fribourg/Suisse, 2003. P. 2, n. 11; P. 17, n. 1.*

жанровой природы «Диалога» или вовсе не затрагивается в современных исследованиях, или решается в пользу гипотетического определения ее как послания⁶. До сих пор единственной работой на русском языке, акцент в которой сделан именно на литературной форме «Диалога» и некоторых его жанровых особенностях, остается статья Т.А. Миллер⁷ 1997 г. Таким образом, отсутствие специального рассмотрения «Диалога» с историко-литературной точки зрения делает тему нашего исследования **актуальной**.

Объектом данного исследования является «Диалог» св. Иустина Философа, при рассмотрении которого учитываются как два его последних на данный момент издания⁸, так и предшествующая им издательская традиция. При этом ни в одном критическом издании текста «Диалога» нет специальных разделов, посвященных его жанровой природе и той жанровой традиции, которая определила литературную форму сочинения.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы установить жанровую традицию, в которой написан «Диалог». Для достижения этой цели представляется необходимым решение следующих конкретных **задач**.

1) Необходимо рассмотреть и корректно описать композиционные особенности «Диалога», поскольку особенности композиции в значительной степени определяются принадлежностью к тому или иному литературному жанру. В данной работе сочинение св. Иустина рассматривается как рамочный диалог, жанровым ориентиром для которого могли бы служить как диалоги других ранних христианских авторов, так и диалоги Платона.

2) В связи с этим целесообразно кратко очертить литературную ситуацию II в., специально сопоставив «Диалог» с христианскими текстами «Прением Иасона и Паписка» и «Октавием» Минуция Феликса; точно также необходимо выявить и рассмотреть параллели «Диалога» с диалогами Платона, которые, на наш взгляд, и являются непосредственным жанровым ориентиром для св. Иустина.

⁵ Например, Маркович указывает на «неорганизованность, повторы и периодическую беспорядочность мысли Иустина», на его длинные предложения, «петляющие сильнее, чем река Миссисипи» (*Marcovich M. Op. cit. P. VII*). Повторению во второй день беседы некоторых цитат из Ветхого Завета, произнесенных Иустином в первый ее день, Маркович объясняет его «проповедническим рвением» (*Marcovich M. Op. cit. P. 62-63*). Подобную оценку используемых св. Иустином повторов можно было бы изменить, рассмотрев жанровую традицию его сочинения.

⁶ Жанр «Диалога» представляется современным исследователям как диалог в послании (ср. *Barnard L.W. Justin Martyr, His Life and Thought. Cambridge, 1967. P. 21; Marcovich M. Op. cit. P. 1*).

⁷ *Миллер Т. «Диалог» Иустина и «Диалоги» Платона // АиО. №3 (14). 1997. С. 133-150*. В данной работе использовалось переиздание статьи в сборнике 2001 г.: *Миллер Т. «Диалог» Иустина и «Диалоги» Платона // Патристика. Новые переводы, статьи. Нижний Новгород, 2001. С. 342-359*.

⁸ *Marcovich M. Iustini Martyris Dialogus cum Tryphone. Berlin-New York: Walter de Gruyter. GmbH, 1997 (2005²); Bobichon Ph. Justin Martyr. Dialogue avec Tryphon. Édition critique, traduction, commentaire. 2 vol. Fribourg/Suisse, 2003*.

3) Для доказательства этого положения необходимо убедиться в том, что параллели с диалогами Платона не случайны и не фрагментарны, а помимо некоторых общих литературных приемов и средств содержат все основные элементы рамки пересказанных диалогов Платона; необходимо также учесть параллели с другими диалогами Платоновского корпуса, не принадлежащими Платону, но продолжающими заданную им литературную традицию жанра диалога. В связи с этим одной из задач исследования является рассмотрение возможно большего числа параллелей «Диалога» со всеми текстами Платоновского корпуса и составление соответствующего индекса.

4) Важно показать, что присутствие этих параллелей в «Диалоге» оправдано не только его формой, но с точки зрения его содержания и общей педагогической направленности: в частности, сочинение св. Иустина не просто содержит полемику с иудаизмом, но и попытку в ходе доброжелательной беседы убедить собеседника в истинности своих представлений, что также скорее говорит о связи с жанровой традицией сочинений Платона, нежели отражает реальную картину иудео-христианских отношений II века.

5) Наконец, на всех этапах исследования мы стремились выявлять детали текста, могущие иметь характер исторического свидетельства, и при этом показывать, как их появление всякий раз обусловлено неким литературным приемом.

Методологическую основу исследования составляет комплексный историко-филологический анализ, предполагающий корректное понимание текста св. Иустина в историко-литературном контексте II века, а также обоснование того, почему именно в таком историко-литературном окружении могло возникнуть столь близкое к диалогам Платона сочинение. В диссертации применяются и другие традиционные методы филологического анализа текста, позволяющие рассмотреть как композиционные, так и жанровые особенности «Диалога», а также изучить его жанровую природу. Сопоставление сочинения св. Иустина с диалогами Платоновского корпуса проводилось с опорой на историко-литературный и стилистический анализ диалогов Платона.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые осуществлена попытка систематического исследования жанровой природы «Диалога» св. Иустина с учетом его композиционных особенностей, а также намечена соответствующая жанровая традиция, в связи с чем впервые проведено сопоставление «Диалога» со всеми релевантными диалогами Платоновского корпуса (прежде всего рамочными). При этом в диссертации показано исключительное место «Диалога» в раннехристианской литературе и вместе с тем его совершенная понятность в контексте тогдашней образовательной системы, в особенности, если мы учтем расцвет платоновских школ в третьей четверти II века. В результате проведенного исследования выявлены не отмечавшиеся ранее параллели текста «Диалога» с отдельными сочинениями Платоновского корпуса и указана литературная мотивировка появления в тех или иных пассажах, могущих иметь значение исторического свидетельства.

Также проведенный анализ позволяет предположить, описание каких событий могло составлять содержание утраченных частей «Диалога».

Практическое значение данного исследования определяются тем, что его результаты могут использоваться при составлении курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров по истории античной и раннехристианской литературы. Настоящее исследование позволяет по-новому раскрыть облик великого христианского апологета св. Иустина Философа, поэтому его результаты также могут быть включены в курсы лекций по патрологии и другим богословским дисциплинам. Исследование может представлять интерес для тех, кто занимается изучением платонизма, поскольку позволяет проследить платоновскую традицию в сочинении христианского автора. Также результаты данной работы могут использоваться при написании пособий по раннехристианской литературе и патрологии и составлении комментариев к новым изданиям и переводам текста «Диалога».

В результате исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения:**

1. В отличие от многих исследователей, не усматривающих в «Диалоге» литературных достоинств, мы показываем, что св. Иустин Философ является весьма искусственным литератором: он ориентируется в разных литературных жанрах и, в частности, хорошо знаком с текстами сочинений Платоновского корпуса.
2. Продумывая литературную форму «Диалога», Св. Иустин избрал в качестве жанрового ориентира пересказанные диалоги Платона, что определило и ряд композиционных особенностей создаваемого текста. При этом обилие в рассматриваемом сочинении параллелей с диалогами Платоновского корпуса, написанными в прямой драматической форме, свидетельствует о знакомстве св. Иустина также и с ними.
3. «Диалог» св. Иустина в силу его литературного своеобразия занимает исключительное место в раннехристианской литературе: с точки зрения жанра данное сочинение принадлежит к иной литературной традиции, нежели прочие раннехристианские апологии и полемические трактаты. При этом литературные особенности данного сочинения, впервые в христианской литературе воспроизводящего многие черты диалогов Платона, оказываются понятными на фоне образовательной системы того времени, в частности, на фоне расцвета платоновских школ во II в., и отражают характерную для этой эпохи тенденцию возвращения к классическим образцам, наиболее ярко проявившуюся в т.н. «второй софистике».
4. Внимательное и специальное рассмотрение данного сочинения св. Иустина как пересказанного диалога, ориентированного на платоновские образцы, позволяет найти объяснение многим его композиционным особенностям, показать литературную мотивировку появления эпизодов, могущих иметь значение исторического свидетельства, а также предположить, описание каких событий могло составлять содержание утраченных частей «Диалога».
5. Восприятие св. Иустином литературной традиции платоновского диалога качественно глубже, нежели наивное воспроизведение отдельных образов

Платона и случайные текстуальные заимствования из его текстов. Поскольку тексты Платона являются для «Диалога» литературным образцом и общекультурным фоном, параллели с ними носят не случайный, а вполне систематический характер: «Диалог» содержит все основные элементы рамки пересказанных диалогов Платона, причем не только содержит указания на время и место, особенности начала и завершения беседы, но и дает яркие описания образов и поведения действующих лиц, их взаимоотношений и их духовного состояния в ходе беседы, а также подчеркивает важность философского характера беседы, что придает произведению в целом характер развитого по форме и глубокого по содержанию литературного текста.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде доклада на ежегодной конференции Института лингвистических исследований РАН «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (Санкт-Петербург) в 2009 г. Отдельные части данной работы обсуждались на Ежегодной богословской конференции ПСТГУ (Москва) в 2008, 2009 и 2010 гг. По основным положениям диссертации в 2010 г. был сделан доклад на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух разделов («*«Диалог» св. Иустина и жанр диалога в христианской литературе II века*», «*Рамки пересказанных диалогов Платона и «Диалог» св. Иустина*»), заключения, приложения, списка использованных сокращений, списка цитируемой литературы и индекса платоновских пассажей в тексте св. Иустина.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении (глава I)** после обоснования актуальности избранной темы и рассмотрения степени ее научной разработанности излагается цель, задачи и методология исследования, раскрытые выше.

Глава II «*«Диалог» св. Иустина и жанр диалога в христианской литературе II века*» посвящена общей характеристике композиции и жанра «Диалога» св. Иустина и его рассмотрению в историко-литературном контексте II в. Проанализирована как композиция данного сочинения в целом, так и одна из ее ярких особенностей – литературная рамка. Отражена специфика позиций основных участников «Диалога» – самого Иустина и эллинизированного иудея Трифона. В этой связи обсужден вопрос о возможном влиянии иудео-христианской полемики II в. на жанр сочинения св. Иустина. Рассмотрены возможные ранние христианские параллели «Диалога», соотносимые с ним по содержанию («Прение Иасона и Паписка») и по форме («Октавий» Минуция Феликса), сопоставление с которыми способствует определению места сочинения св. Иустина в общем историко-литературном контексте II в. Дан краткий очерк развития литературной традиции философского диалога, в особенности, платоновского.

Говоря о композиции «Диалога», исследователи касаются только его содержания, то есть того, какие темы и в какой последовательности рассмат-

ривает св. Иустин⁹. При таком подходе собственно литературная природа текста остается без внимания, поскольку при рассмотрении композиции не учитывается ни жанр этого сочинения, ни та литературная традиция, в которой оно написано. С этим связаны многочисленные нелестные оценки как композиции «Диалога», так и писательских способностей его автора¹⁰. Представляется, что проведенный нами анализ, предполагающий изучение данного сочинения св. Иустина именно как пересказанного диалога, форма которого ориентирована на диалоги Платоновского корпуса, помогает более корректно оценить композицию сочинения. Во всяком случае, благодаря нашему анализу становится ясна природа отдельных повторов и отступлений в «Диалоге», в которых столь часто обвиняют св. Иустина.

В «Диалоге» рамка целиком составляет главы 1-9; 66 и 142, а также ее элементы встречаются во многих других главах¹¹. Рамка в «Диалоге» представляет собой пересказ от лица Иустина беседы с эллинизированным иудеем Трифоном и его спутниками. Рамочная структура «Диалога» достаточно сложна для рассмотрения, в частности, потому, что дошедший до нас текст содержит две значимых и обширных лакуны – в начале сочинения и в его середине. Несмотря на эти лакуны, сохранившиеся части сочинения св. Иустина содержат все необходимые элементы, позволяющие соотнести «Диалог» с пересказанными диалогами Платоновского корпуса.

В результате рассмотрения важных для нашего исследования черт иудео-христианской полемики II в. можно отметить, что она не повлияла на литературную форму «Диалога», поскольку модель взаимоотношений Иустина и Трифона в нем соответствует, скорее, платоновской, которая предполагает взаимное дружелюбие обеих сторон¹² и стремление найти истину. С другой стороны, эта полемика определяет *содержательную* сторону «Диалога»: в дискуссии с иудеем о верном толковании Св. Писания христианин приводит библейские пророчества и демонстрирует свое знание иудейской экзегезы и традиций. При явной противоположности позиций главных героев «Диалога» их взаимное дружелюбие является важной характеристикой ав-

⁹ Основные содержательные блоки текста устанавливаются исследователями в общем единообразно. Например, *Quasten J.* Op. cit. P. 203; *Skarsaune.* Op. cit. P. 165; *Kannengiesser Ch.* Op. cit. P. 434; *Marcovich.* Op. cit. P. 23–61.

¹⁰ Ср. *Prigent P.* Justin et l'Ancien Testament. L'Argumentation Scripturaire du Traité de Justin Contre toutes les hérésies comme source principale du Dialogue avec Tryphon et de la Première Apologie. Études bibliques. Paris: Gabalda, 1964. P. 211, n. 1; *Hamman A.G.* Les Pères de l'Église. Paris, 1977. P. 35-36; *Chadwick H.* History and thought of the Early Church. London, 1982. P. 282.

¹¹ Это главы: 10-12; 20; 23-28; 32-33; 35-39; 41-42; 45-52; 55-61; 63-74; 77-81; 85-90; 94; 99; 110; 115; 118-125; 129-131; 137-138; 141.

¹² Такая модель сохраняется в большинстве диалогов Платоновского корпуса, но в некоторых диалогах собеседники могут вести себя достаточно недружелюбно и резко по отношению к Сократу и друг другу. Ср. Евтидем и Дионисодор из «Евтидема», Критий из «Хармида», Пол и Калликл из «Горгия», Фрасимах из «Государства», один из соперников в «Соперниках» и др.

торской позиции св. Иустина, видящего иудео-христианские отношения как «диалог», а не как «прение».

Для того чтобы яснее представить место «Диалога» св. Иустина в общем литературно-историческом контексте II в. были рассмотрены соотносимые с ним раннехристианские сочинения. Диалог «Прение Иасона и Паписка о Христе¹³» (Ἰάσονος καὶ Παπίσκου ἀντιλογία περὶ Χριστοῦ; *Altercatio Jasonis et Papisci*) традиционно приписывается Аристону из Пеллы¹⁴ и считается древнейшей¹⁵ известной антииудейской апологией¹⁶. При этом исследователи предполагают влияние этого диалога на последующие христианские сочинения, посвященные полемике с иудаизмом¹⁷, в том числе, и на текст «Диалога¹⁸», хотя степень этого влияния, вследствие утраты текста «Прения», невозможно определить. Пересказанный диалог «Октавий¹⁹» (*Octavius*) является произведением первого²⁰ известного церковного писателя на латинском Западе – Минуция Феликса и содержит полемику с язычеством. Апология, написанная на латинском языке в жанре диалога, отличается изысканно-

¹³ Далее – «Прение».

¹⁴ Основным свидетельством об авторстве Аристона (Аристиона) Пелльского является указание на это в схолиях прп. Максима Исповедника на Дионисия Ареопагита (*De mystica theologia* 1.3), а также слова Евсевия в «Церковной истории» (*Hist. eccl.* IV, 6). Подробнее см. Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I-IV века. М.: Издательский совет РПЦ, 2004. С. 233-234.

¹⁵ Диалог датируется 135-175 гг., его составление относится предпочтительнее к началу этого периода. Подробнее см. Сагарда Н.И. Ук. соч. С. 234.

¹⁶ Подробнее о «Прении» см. Сагарда Н.И. Ук. соч. С. 231-235; Василик В. В. Аристон из Пеллы // ПЭ. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 3. С. 242.

¹⁷ В частности, на сочинение, приписываемое галльскому писателю Евагрию (V в.) «Прение Симона иудея и христианина Феофила» (*Altercatio Simonis Judaei et Theophili Christiani*, PL 20. Col. 1165-1182), а также на анонимные «Диалог Афанасия с Закхеем» (IV в.), «Диалог иудеев Паписка и Филона с неким монахом» (VI в.), «Диалог Тимофея с Акилой» (V в.). Подробнее см. Сагарда Н.И. Ук. соч. С. 234-235; Moreschini C., Norelli E. Op. cit. P. 200. Перечень всех антииудейских христианских диалогов см. McGiffert A.C. A Dialogue between a Christian and a Jew, Entitled Ἀντιβολή Παπίσκου καὶ Φίλωνος Ἰουδαίων πρὸς μοναχόν τινα. New York, 1889.

¹⁸ Р. Восс допускал прямое влияние «Прения» на «Диалог» (*Voss B.R. Der Dialog in der frühchristlichen Literatur. München, 1970. P. 322-325*). Известный исследователь О. Скарсаун считает, что источником аргументации Dial. 61-62 является «Прение» (*Skarsaune O. Op. cit. P. 234-242; 380-391*). В статье В. Рутерфорда «Прение» рассматривается как источник для тезисов о «Втором Боге» в «Диалоге» (*Rutherford W. Altercatio Jasonis et Papisci as a Testimony Source for Justin's "Second God" Argument // Justin Martyr and His Words / Parvis S., Foster P., edd. Minneapolis: Fortress Press, 2007. P. 137-144*).

¹⁹ Список новейших изданий и исследований, посвященных «Октавию», см. CPL 37; СДХА / Дунаев А.Г., ред., пер., введ, коммент. СПб., 1999. С. 762-763; см. также: Сагарда Н.И. Ук. соч. С. 342.

²⁰ Вопрос о том, кто первым из латинских авторов составил свою апологию, Тертуллиан («Апологетик») или Минуций Феликс, в современной науке до сих пор остается дискуссионным. Подробнее см. CPL. P. 10-11; Сагарда Н.И. Ук. соч. С. 351-353.

стью языка и стиля и четкостью композиции²¹. Сопоставление «Диалога» с этими текстами показало, что сочинение св. Иустина принадлежит к иной, чем «Прение» и «Октавий», литературной традиции. С первым текстом «Диалог» связан, скорее, тематически, а со вторым – по форме, при этом «Октавий» естественным образом ориентирован на латинскую традицию. В случае с «Диалогом» св. Иустина, принадлежность которого к греческой традиции очевидна, естественно предположить влияние на его литературную форму диалогов Платона. Данное предположение является естественным потому, что в этот период происходит несомненный расцвет платонизма. Начало этому процессу положила школа Плутарха, а в середине II в. мы находим известные платоновские философские школы в Афинах, где, в частности, учился Апулей, и в Малой Азии, где получил образование Гален; в Риме примерно в одно время с Иустином учил Нумений Апамейский, пифагореец и платоник, хорошо знавший Св. Писание евреев.

В то же самое время, именно на II в. приходится развитие т.н. «второй софистики». Несмотря на дискуссионность этого понятия, его основной чертой как именно литературного движения является ориентация на классических авторов и стремление воспроизвести их стиль. О принадлежности св. Иустина ко «второй софистике» никогда не говорится. Но не заметить того, что его отношение к платоновским диалогам лежит в общем русле литературных тенденций эпохи, стремившейся вернуться к классическим образцам, на наш взгляд, невозможно.

Второй раздел работы (**глава III**) «*Рамки пересказанных диалогов Платона и «Диалог» св. Иустина*» посвящен подробному анализу отдельных элементов рамки «Диалога» (время и место действия, а также действующие лица), рассматриваемых на фоне параллелей с диалогами Платоновского корпуса. Проанализированы наиболее яркие детали, касающиеся действующих лиц «Диалога», дана попытка оценить как их историчность, так и связанные с ними литературные приемы. Приведены возможные параллели (текстуальные и смысловые) из диалогов Платона к каждому элементу рамки «Диалога». Показана общая композиционная структура «Диалога», рассматриваемая на фоне диалогов Платона.

Итак, в «Диалоге» св. Иустин легко и непринужденно воспроизводит отдельные характерные для пересказанных, или рамочных, диалогов Платоновского корпуса²² композиционные приемы (указание времени и места беседы, описание персонажей, наличие философских тем, личная окраска беседы) и обороты речи. Особенность обсуждаемого творения св. Иустина состоит в том, что именно им «впервые платоновский текст был введен в христианскую литературу²³». Появление среди христианских сочинений подобного

²¹ Подробнее см. *Фокин А.Р.* Латинская патрология. Период первый. Доникийская латинская патрология (150-325 гг.). Том 1. М.: ГЛК, 2005.

²² Можно назвать восемь аутентичных рамочных диалогов Платона («Хармид», «Евтидем», «Лисид», «Парменид», «Федон», «Протагор», «Государство», «Пир») и три пересказанных диалога платоновской школы («Эриксий», «Аксиох», «Соперники»).

²³ *Миллер Т.* Ук. соч. С. 257.

текста могло бы показаться, по меньшей мере, удивительным. Дело в том, что не только литературные особенности, но и сам исторический контекст написания «Диалога», обусловленный расцветом Афинской Академии и возрождением платонизма, позволяют видеть в сочинении Иустина более естественное и непосредственное продолжение жанра платоновского диалога, нежели в других более поздних диалогах доникейского периода²⁴.

В большинстве исследований, посвященных «Диалогу», в качестве его платоновских черт обычно рассматриваются некоторые текстуальные заимствования, сходство ролей персонажей и внешних деталей²⁵. Разумеется, отмеченные исследователями параллели с текстами Платона очень важны и учтены нами; но гораздо важнее понять, насколько сознательно св. Иустин следует в этом платоновской традиции. Нам представляется, что его восприятие этой традиции не сводится лишь к механическому чисто внешнему подражанию отдельным элементам рамки пересказанного диалога. Чтобы доказать данное утверждение были исчерпывающе рассмотрены текстуальные и смысловые параллели «Диалога» ко всем основным элементам композиции рамочных диалогов Платоновского корпуса (вступление, образ собеседника рассказчика, характер беседы, взаимоотношения рассказчика и его собеседников, заключение).

Начало рамки пересказанного диалога предполагает подробное указание времени и места действия, а также описание действующих лиц. Действие «Диалога» происходит во время Второй Иудейской войны (*Dial.* 1.3; 9.3), вызванной восстанием под предводительством Бар-Кохбы (132-135 гг.). Как и в диалогах Платона, эта историческая деталь призвана придать «Диалогу» реалистичность и отнести его к определенному времени²⁶. Например, в начале пересказанного диалога Платона «Хармид» (153a-d), описывается возвращение Сократа из лагеря под Потидеей (432-429 гг.). В начале «Теэтета» (142a) упоминается эпизод Коринфской войны. В другом диалоге Платона, «Менексене», мы встречаем подробный рассказ о событиях греко-персидских войн (239b-246a), которые также упоминаются в «Законах» (III, 698b-d). Поскольку до сих пор систематического сопоставления «Диалога» с платоновскими текстами не проводилось, дискуссии исследователей вызывал вопрос, явля-

²⁴ Ср., «Пир десяти дев» св. Мефодия Патарского (III-IV вв.), «Феофраст» Энея Газского и «О сотворении мира» Захарии Схоластика (V в.).

²⁵ Ср., *Hirzel R.* Der Dialog. Ein literarhistorischer Versuch. Bd. 2. Leipzig, 1895; *De Fraye E.* De l'influence du Timée de Platon sur la théologie de Iustin Martyr // *BEHE.R.* Vol. 7. 1896. P. 169-187; *Keseling R.* Iustin's Dialog gegen Trypho (cap.1-10) und Platon's «Protagoras» // *Rheinisches Museum für Philosophie.* Bd. 75. Rhein, 1926; *Schmid W.* Frühe Apologetik und Platonismus. Ein Beitrag zur Interpretation des Proöms von Iustin's Dialogs // *ΕΡΜΗΝΕΙΑ.* Festschrift für Otto Regenbogen. Heidelberg, 1952. S. 163-182.

²⁶ Напомним, что одной из стилистических особенностей диалогов Платона, которые позволяли объединить его школу и спровоцировать самостоятельное литературное творчество в ней, стало воссоздание в диалогах реалий ушедшего V в., что наиболее ярко отразилось в рамке пересказанных диалогов. Подобным образом читатель пересказанного «Диалога» св. Иустина, составленного позднее 153-154 гг., но до 161 г., переносится во времена Второй иудейской войны (132-135 гг.).

ется ли указанное в «Диалоге» время реальным временем беседы Иустина с иудеями или перед нами лишь эффектная литературная фикция. В самом деле, исторический контекст восстания Бар-Кохбы, представляет собой самый подходящий фон для бесед на мессианскую тему, актуальную как для иудеев, так и для христиан. Таким образом, мы, с одной стороны, не должны отрицать важности исторических указаний св. Иустина в начале «Диалога». Но при этом важно понять, что у св. Иустина речь не об исторической реконструкции неких событий, а о литературном приеме: св. Иустин пишет не историю, в рамках которой фиктивные диалоги были бы злостным вымыслом, а философское и богословское сочинение, для которого важна соотнесенность именно с этим временем.

Местом действия событий, описанных в «Диалоге», является ксист, причем, в тексте не встречается названия гимнасия, к которому он принадлежит²⁷. Здесь автор также следует установленной Платоном традиции: действительно, ксист, как гимнасий и перипат, часто являлся местом не только для физических упражнений, но и для ученых бесед. Так, беседа Сократа с юным Хармидом происходит в палестре Посейдона Таврия (*Charm.* 153b sqq); в диалоге «Лахет» диалог происходит в палестре (178a sqq); в «Лисиде» по пути в Ликей Сократ встречает группу молодых людей во главе с Гиппоталом, и, зайдя вместе с ними в палестру, беседует там (203a-204a); в «Евтидеме» Сократ в Ликее ведет диалог с двумя братьями-софистами (*Euthyd.* 271a, 273e); беседа с юношей Феагом и его отцом происходит в портике (*Theag.* 121a), как и разговор Сократа со знаменитым софистом Протагором (*Protag.* 315c и 317d-e); местом рассуждения Сократа с юным Теэтетом является палестра²⁸.

Переходя к описанию действующих лиц в «Диалоге», отметим, что именно здесь ясно видны как сходство с Платоном, так и самостоятельность св. Иустина. В «Диалоге» в качестве главных действующих лиц участвуют: христианин Иустин, обратившийся от греческой философии к Св. Писанию иудеев; эллинизированный иудей Трифон, окруженный толпой своих приверженцев, который высказывает пожелание, чтобы его собеседник, отворачившись от христианства, занимался философией, а не обольщался бы «ложными словами» (*Dial.* 8). Уже при первом сопоставлении действующих лиц «Диалога» с персонажами платоновских диалогов становится очевидным, что

²⁷ Примечательно, что большинство рукописей «Диалога» в обоих случаях упоминания ксиста сохранили написание этого слова с ударением на втором от конца слоге (*Dial.* 1.1: ἐν τοῖς τοῦ ξύστου περιπάτοις и *Dial.* 9.3: εἰς τὸ μέσον τοῦ ξύστου στάδιον). Но при этом перемещение ударения в слове «ксист» (τοῦ ξύστου – τοῦ ξύστου), сохраненное рукописями А и В, возможно, не является лишь ошибкой переписчика. По мнению Бобишона, подобное перемещение ударения связано с тем, что в данном случае имеется в виду имя собственное, т. е. некий конкретный ксист, о местонахождении которого могло говориться в утраченном вступлении «Диалога» (например, ксист Эфеса). Подробнее см. *Bobichon Ph. Op. cit. Vol. 2. P. 569-570.*

²⁸ В тексте «Теэтета» место разговора прямо не указано, но, согласно указанию в 144с на портик, действие диалога происходит в палестре.

роль Сократа выполняет сам Иустин, а роль благородного юноши, обычно находящегося в сопровождении друзей, который должен обратиться к истинной философии²⁹, – Трифон. Другим важным действующим лицом «Диалога» является Старец.

Иустин. Немногочисленные сведения о жизни св. Иустина, по большей части, мы черпаем из его собственных аутентичных сочинений³⁰, поэтому, любые отраженные в «Диалоге» автобиографические моменты представляются важными. К их числу относятся описанная во вступлении «Диалога» единственная деталь внешнего облика Иустина – плащ философа, и рассказ о его философских исканиях (*Dial.* 2.3-6). В современных исследованиях обсуждается как историческая достоверность описания плаща философа, в котором св. Иустин впервые предстает перед Трифоном и его спутниками в ксисте, так и то, мог ли Иустин его носить до обращения в христианство³¹. Для нас несомненно, что в своем сочинении св. Иустин, как говорилось ранее, использует плащ философа не только для того, чтобы подчеркнуть, что для него христианство является единственной истинной философией. Упоминание плаща – это, прежде всего, литературный прием, воспроизведение в «Диалоге» схожей ситуации из диалога «Протагор» (335c-d). Здесь Платон описывает, как Сократ, видя нежелание Протагора кратко отвечать на его вопросы, встает и намеревается уйти, а Каллий, ухватившись за плащ Сократа, не пускает его: «Καὶ ἄμα ταῦτ' εἰπὼν ἀνιστάμην ὡς ἀπιών· καὶ μου ἀνισταμένου ἐπιλαμβάνεται ὁ Καλλίας τῆς χειρὸς τῇ δεξιᾷ, τῇ δ' ἀριστερᾷ ἀντελάβετο τοῦ τρίβωνος τουτουῖ, καὶ εἶπεν· Οὐκ ἀφήσομέν σε, ὦ Σώκράτες· ἐὰν γὰρ σὺ ἐξέλθῃς, οὐχ ὁμοίως ἡμῖν ἔσονται οἱ διάλογοι» (*Protag.* 335c-d). Эпизод из 9 гл. «Диалога» является одним из наиболее ярких примеров буквального следования Иустином тексту Платона. Рассказ Иустина о своем обращении ко Христу вызывает смех у спутников Трифона. Св. Иустин обещает доказать, если Трифон останется, что христиане веруют «не пустым басням» (*Dial.* 9.1). Спутники Трифона снова смеются и даже поднимают «неприличный крик» (ἄκοσμον ἀνεφθέγγοντο). Иустин намеревается уйти, но Трифон, взяв его за одежду, препятствует этому, пока Иустин не исполнил обещания: «ἐγὼ δὲ ἀναστὰς οἴος τ' ἡμῖν ἀπέρχεσθαι, ὁ δὲ μου τοῦ ἱματίου λαβόμενος, οὐ πρὶν ἀνήσειν ἔφη, πρὶν ὁ

²⁹ Ср., например, «Хармид» и «Алкивиад I».

³⁰ Другим источником сведений о жизни св. Иустина являются сочинения древних авторов – Евсевия Кесарийского (Euseb. Hist. eccl. IV, 8.3-5; IV, 11.8-11; IV, 16.1-IV, 18.10), Татиана (Tat. Adv. gent. contr. 19), Фотия Константинопольского (Phot. Bibl. 125; 234), Тертуллиана (Tertull. Adv. Val. 5) и св. Ипполита Римского (Hipp. Refut. 8.16). Важнейшим свидетельством мученической кончины Иустина Философа и его речи на суде являются мученические акты (Acta Iustini), по мнению агиографов, представляющие собой один из самых древних памятников подобного рода (СДХА. С. 343).

³¹ Подробнее см. Приложение к диссертации.

ὑπεσχόμενῃ ἐκτελέσαι» (*Dial.* 9.2)³². Употребление здесь причастия «ἀναστάς» кажется не совсем уместным, поскольку во время разговора собеседники прогуливались, а не сидели (ср., *Dial.* 1.1.). На этом примере мы отчетливо видим метод введения исторически вероятных и достоверных деталей в художественную ткань «Диалога». Именно очевидная параллель с «Протагором» обеспечивает св. Иустину возможность ввести исторически достоверную или, во всяком случае, вероятную деталь своего облика, а именно, то, что он носил плащ философа, понимая под философом в первую очередь христианина.

Рассказ о философских исканиях св. Иустина изложен в *Dial.* 2.3-6³³. Историческая достоверность описываемых Иустином событий также по сей день ставится многими современными исследователями под сомнение. Некоторые исследователи³⁴ усматривают в этом эпизоде литературный вымысел, утверждая, что перед нами общепринятая литературная схема. В качестве возможной параллели к *Dial.* 2.3-6 Хильдаль³⁵ рассматривает гл. 4-5 из «Мениппа, или путешествия в подземное царство» Лукиана. При сопоставлении истории философских странствий в «Мениппе» и «Диалоге», обращает на себя внимание различие списков философских школ, некоторых существенных особенностей их изображения (наличие выражения личного отношения автора, значимости для него тех или иных школ), а также целей, с которыми авторы вводят описания их представителей. Параллель с Лукианом не слишком убедительна как сама по себе, так и в силу того, что она оказывается единственной параллелью с «Диалогом» и не может быть подкреплена никакими другими доказательствами литературной близости Лукиана и св. Иустина.

Гораздо более интересными представляются возможные параллели *Dial.* 2.3-6 с «Апологией Сократа» (22b-e) Платона³⁶. Основным мотивом обоих отрывков является, с одной стороны, поиск истины человеком, жаждущим ее познать и осознающим себя несведущим в этом вопросе, и, с дру-

³² Первым эту яркую параллель отметил Кезелинг. См. *Keseling R.* Op. cit. S. 223-229. См. также *van Winden J.C.M.* An Early Christian Philosopher: Justin Martyr's Dialogue with Trypho. Chapters One to Nine. Leiden: E. J. Brill, 1971. P. 124-125. Другой, менее близкой параллелью к этому яркому эпизоду «Диалога» является схожее описание из «Государства» (Resp. 344d), что не отмечалось ранее. В данном случае речь идет, скорее, не о сходстве образов, а о схожем построении сцены. Фрасимах, отчасти высказав свое мнение, собирается уйти, а присутствующие при беседе не пускают его, заставляя привести доводы в подтверждение своих слов.

³³ Подробнее см. *Приложение* к диссертации.

³⁴ Например, *Goodenough E.R.* The Theology of Justin Martyr. An investigation into the conception of early Christian literature and its Hellenistic and Judaistic influences. Jena, 1923. P. 57-77; *Hyldahl N.* Philosophie und Christentum. Eine Interpretation der Einleitung zum Dialog Justins. Copenhagen: Prostant apud Munksgaard. Vol. 9. 1966. S. 140-159).

³⁵ *Hyldahl N.* Op. cit. S. 153 sqq. Впервые параллель была предложена Гудинафом (*Goodenough E. R.* Op. cit. P. 88-89).

³⁶ В описании обучения у платоника в «Диалоге» также присутствуют параллели с другими текстами Платона и образы из них. Например, *Phaedr.* 249c-d; 251d; 255b.

гой, его обращение к тем, кто представлялся мудрым и самому себе, и остальным, но не был таковым на самом деле. Помимо содержательной и формальной близости данная параллель с «Апологией Сократа» хорошо вписывается в общий контекст рассмотрения «Диалога» на фоне текстов Платона.

Представляется, что нелишним будет еще раз вспомнить, что помимо возрождения платонизма, на II в. также приходится расцвет т.н. «второй софистики», сделавшей хорошим тоном обращение к классическому наследию и воспроизведение его как образца. И если современник св. Иустина Флавий Арриан хотел быть вторым Ксенофонтом, едва ли невероятно, что и св. Иустин в литературном отношении стремился в своем «Диалоге» последовательно воспроизводить некоторые приметы платоновских текстов.

Старец. В *Dial.* 3-7 изложена беседа со Старцем, которого неожиданно встретил Иустин, бывший тогда платоником и в скором времени надевшийся созерцать Самого Бога (*Dial.* 2.6). Пересказывая Трифону свою беседу на берегу моря, Иустин, таким образом, предоставляет критику идей греческой философии Старцу. Так автор сохраняет доверительность отношений со своим оппонентом, а также создает в произведении замечательную интригу.

Беседа содержит множество аллюзий на сочинения Платона. В частности, присущая Старцу мудрость и манера вести диалог на философскую тему, с одной стороны, приближают его к образу мудреца-Сократа, а с другой – к образу Диотимы, обучавшей молодого Сократа (*Symp.* 201d-212e). Также возможно провести параллель с образом Кефала, отца Полемарха – почтенного, мудрого старца, рассуждающего с Сократом о старости и справедливости (*Resp.* 328b-331d). Другой параллелью к образу Старца является образ Парменида из одноименного диалога Платона, где мы встречаем аналогичную пару: почтенный старец Парменид дает показательный урок в присутствии юного Сократа (*Parm.* 130b sq.)³⁷. В «Тимее» мы видим загадочный образ египетского жреца, открывшего Солону великую славу древних Афин (*Tim.* 23b-25d). Хотя данные платоновские параллели едва ли следует считать доминирующими при характеристике образа Старца, они все же показывают, что и этот весьма значимый пассаж «Диалога» ни в какой мере не выпадает из общей тенденции Иустина построить свой произведение с опорой на платоновские тексты.

Трифон. Св. Иустин, раскрывая в своем сочинении образ Трифона, достаточно убедительно изображает эллинизированного иудея своего времени³⁸. Так, Трифон, «еврей обрезанный» (*Dial.* 1.3), беглец, покинувший родину в дни Иудейской войны (*Dial.* 1.3; 9.3), и живущий на момент беседы с Иустином в Элладе (*Dial.* 1.2), интересуется греческой философией (*Dial.* 1.3; 8.3) и даже знаком с мифологией (*Dial.* 67.2). При этом он, следуя совету ученика Сократа в Аргосе, обращается с беседой к незнакомому философу (*Dial.* 1).

³⁷ Примечательно, что отрывок *Parm.* 130a-b также является близкой по тексту параллелью к *Dial.* 8.3, что ранее не отмечалось исследователями «Диалога».

³⁸ Подробнее об образе Трифона, его правдоподобности, возможных источниках образа и имени см. *Приложение* к диссертации.

Выяснив, что его собеседник – христианин, Трифон продолжает диалог с ним, нарушая этим предписание иудейских учителей, согласно которому общение с христианами запрещалось (*Dial.* 38.1). Более того, Трифон признается, что читал Евангелия, и дает высокую оценку изложенным в них «заповедям христиан» (*Dial.* 10.2; 18.1). При этом Трифон является защитником традиционных для иудаизма взглядов на Св. Писание (ср. *Dial.* 8) и не принимает христианского его понимания (в этом и состоит драматическая завязка «Диалога»). Как и сам Иустин, Трифон основывается в своей аргументации на тексте Писания (*Dial.* 32.2; 56.16), причем принимает возможность его аллегорического толкования, предложенную Александрийской школой. Как и его оппонент, Трифон не знаком с древнееврейским языком³⁹ (ср. *Dial.* 103.5; 125.3).

Любой читатель, знакомый с диалогами Платона, может узнать в Трифоне некоторые черты различных собеседников Сократа, параллели с которыми иногда очевидны. Его образ наиболее близок к распространенному в пересказанных диалогах Платона образу собеседника Сократа – благородного юноши. Это и Клиний в «Евтидеме», и Лисид, и Менексен, и Гиппотал в «Лисиде», и Хармид в одноименном диалоге⁴⁰. Во всех этих сочинениях мы видим мудреца (Сократа) и поклонника философии (юношу), обычно любознательного, вежливого и благожелательного к своему собеседнику. Также в описании поведения Трифона мы встречаем явные аллюзии на поступки или реплики некоторых других персонажей рамочных диалогов Платона. Например, это Критий из «Хармида», Евтидем и Дионисодор из «Евтидема», Каллий и сам Протагор из «Протагора», Кебет из «Федона», Парменид и Зенон из «Парменида», а также Фрасимах из «Государства»⁴¹.

Рассмотрение «Диалога» в русле литературной традиции платоновского диалога позволяет по-другому понять истоки образов и повороты сюжета в «Диалоге», а также выделить новые параллели с диалогами Платоновского корпуса. В данном случае, речь идет не о коллекции совпадений с текстами Платоновского корпуса, а о характере построения ситуаций и образов в «Диалоге» св. Иустина⁴². Все новые параллели, среди которых есть как тек-

³⁹ Подробнее см. *Rokéah D. Justin Martyr and the Jews*. Leiden: E. J. Brill, 1963. P. 20-21. Таким образом, базой для экзегетической полемики в «Диалоге» служит именно греческий текст Св. Писания (подробнее см. *Skarsaune O.* 1987. Op. cit.).

⁴⁰ Как известно, образ благородного юноши встречается во многих диалогах Платона и Платоновского корпуса (ср. Федр, Феаг и Алкивиад из одноименных диалогов, Клиний и Хармидом из «Аксиоха», персонажи «Соперников»).

⁴¹ Параллели с некоторыми персонажами диалогов Платона, написанных в прямой драматической форме, и сочинений Платоновской школы здесь не менее интересны (ср., Пол и Калликл из «Горгия», Гиппий из «Гиппия Большого», Эриксий из одноименного диалога). Конкретные параллели показаны в тексте диссертации и в индексе.

⁴² Например, в своем исследовании вводных глав «Диалога» Хильдаль (*Hyldahl N.* Op. cit. S. 95) вслед за Кезелингом отмечает, что и в «Протагоре», и в сочинении св. Иустина знакомство будущих собеседников предваряется цитатой Гомера. Издатель критического текста «Диалога» Бобишон указывает в примечании к *Dial.* 56.13 (*Bobichon Ph.* Op. cit. Vol. 2. P. 736), где упоминается «четвертый из пришедших с Трифоном», что этот собе-

стуальные, так и смысловые, приведены в индексе. Принципиально важным является то, что христианскому апологету Иустину, столь изящно и оригинально вплетающему в канву своего сочинения элементы платоновской традиции, его оппонент видится столь же дружелюбно настроенным, стремящимся к истине и готовым ее принять, как некоторые собеседники Сократа.

Спутники Трифона. В диалоге с Иустином, помимо Трифона, участвует две группы его спутников – к тем, кто был с Трифоном изначально, на второй день беседы присоединились другие (например, *Dial.* 85.6; 94.4; 122.4). С одной стороны, появление Трифона в окружении многочисленных друзей является аллюзией на эпизод из платоновского «Протагора» (314e-315 a), в котором описывается, как Протагор, сопровождаемый многочисленными спутниками, прохаживался в портике. Мы видим здесь и столь распространенный в диалогах Платона и его школы мотив: беседа происходит во время совместной прогулки. Действительно, в «Федре» Сократ и Федр гуляют за городской стеной и вдоль Илиса, беседуя (*Phaedr.* 227a sqq.), в «Законах» отражен разговор идущих вместе из Кноса к гроту и святилищу Зевса Клиния, Мегилла и Афинянина (*Leg.* I, 625b, c), в начале «Эриксия» описана прогулка Сократа и Эриксия (*Eryx.* 392b). С другой стороны, здесь присутствует параллель с другим рамочным диалогом Платона – «Евтидемом». Описывая встречу Сократа с двумя братьями-софистами, Евтидемом и Дионисодором, Платон указывает, что они прогуливались по крытой площадке Ликейя в сопровождении многочисленных последователей (*Euthyd.* 272e-273b). В окружении спутников в Ликейя приходит и другой персонаж диалога – юноша Клиний (*Euthyd.* 273b). В сопровождении друзей в палестру приходят и юный Хармид из одноименного диалога (*Charm.* 154c), и Гиппотал из «Лисида» (*Lysis* 203b-204b).

Св. Иустин описывает смех спутников Трифона, последовавший за его рассказом об обращении ко Христу (*Dial.* 8.3). В ответ на предложение Иустина доказать истинность учения Христова, друзья Трифона снова смеются, и даже поднимают неприличный крик (*Dial.* 9.2). Подобное поведение сторонников оппонента Сократа описывается достаточно часто в «Евтидеме» Платона, где не один раз встречается идентичное «Диалогу» указание на то, как смеялись и шумели спутники братьев-софистов Евтидема и Дионисодора (*Euthyd.* 276b-d; 303b). Сюда же можно отнести высокомерный смех самих этих братьев в ответ на рассказ Сократа об их искусстве Клинию (*Euthyd.* 273d). Шумят и последователи Протагора (*Protag.* 334c). В диалоге «Горгий» один из оппонентов Сократа, Пол, также смеется в ответ на его слова об истине (*Gorg.* 473e). Почти во всех указанных отрывках из диалогов Платоновского корпуса присутствует та же лексика, отражающая смех и шум спутников оппонента, что и в «Диалоге» св. Иустина.

Рассматривая поведение спутников Трифона в «Диалоге», мы должны признать, что оно намного сложнее, чем простое соглашательство или агрес-

седник ассоциируется с четвертым из беседующих в начале «Тимея» (*Tim.* 17a). В свете нашего подхода к «Диалогу» св. Иустина становится понятно, насколько значимы и неслучайны эти совпадения.

сия. Будучи талантливым писателем, св. Иустин делает образы молчащих большую часть диалога собеседников реалистичными. Помимо негативной эмоциональной реакции, о которой уже говорилось, и указаний Иустином на молчание его собеседников (*Dial.* 23.3; 121.1; 125.1; 137.3), мы видим со стороны спутников Трифона и вполне конструктивное участие в дискуссии. Так, Иустин отдельно отмечает, что все они (*Dial.* 58.10; 90.2; 130.1), или кто-то в отдельности (например, *Dial.* 56.13; 94.4), соглашаются с ним; смущаются от приведенного им толкования (*Dial.* 124.1) или подтверждают, что поняли сказанное (*Dial.* 56.3). Аналогичное поведение спутников оппонента рассказчика также присутствует в диалогах Платона. Например, в них часто указывается на всеобщее согласие собеседников с высказанным Сократом положением (ср. *Protag.* 358a-259a; *Lysis* 207c; 218c; 222c). Присутствуют также ситуации, когда собеседники (собеседник) находятся в смущении от сказанного рассказчиком (или другим персонажем), который, почувствовав их (его) недоумение, помогает его разрешить (например, *Euthyd.* 275d-e; *Euthyd.* 277d; *Euthyd.* 283d; *Phaed.* 84d). Здесь, как и в случае с согласием собеседников со словами рассказчика в диалогах Платона и сочинении св. Иустина, мы видим схожую сюжетную линию, хотя события описаны с помощью различной лексики.

Специфика позиции спутников Трифона в разговоре с Иустином, с одной стороны, позволяет отразить изначальное неприятие Трифоном и ими самими христианства, а также оттенить вежливость и любознательность главного собеседника рассказчика. С другой стороны, многочисленные параллели со схожими ситуациями в диалогах Платона, несомненно, знакомыми читателям «Диалога», делают описываемое поведение спутников Трифона более многогранным, а их образы – более понятными. Подобные параллели еще раз подчеркивают ориентацию автора «Диалога» на литературную традицию платоновских диалогов, а также демонстрируют литературное своеобразие этого сочинения.

Отмеченные нами параллели ситуаций, в которых проявляют себя герои «Диалога», с сочинениями Платона и Платоновского корпуса хорошо иллюстрируют тот фон, на котором сочинение св. Иустина создавалось. Отдельно рассмотрев особенности композиции «Диалога» и образы его действующих лиц, мы убедились, что, создавая их, св. Иустин ориентировался на отдельные композиционные элементы и образы диалогов Платона и сочинений его школы. Представляется, что все описанные нами параллели с диалогами Платона в сочинении св. Иустина, органично входя в общую структуру его произведения, не являются лишь отдельными случайными деталями в нем. Таким образом, все сочинение св. Иустина построено в традиции платоновского диалога. Причем, автор «Диалога» искусно и свободно использует различные композиционные приемы и образы Платона, сочинения которого оказываются фоном для эпизодов и поворотов темы в сочинении Иустина.

Итак, объединим все вышесказанное относительно композиции и персонажей «Диалога», чтобы обозреть композиционную структуру сочинения от начала до конца.

Данное сочинение св. Иустина – это диалог, пересказанный им самим некоему Марку Помпею, в котором описывается двухдневная беседа с Трифоном иудеем и его спутниками в ксисте. «Диалог» можно условно разделить на четыре части: – введение, которое включает в себя описание знакомства действующих лиц диалога и завязку философской беседы (*Dial.* 1–2.2); – прамбулу к основной беседе, в которой рассказчик рисует историю своих философских исканий и реакцию на нее Трифона и его спутников, являющиеся необходимым фоном для начала диалога (*Dial.* 2.3–9.3); – собственно диалог, разделенный автором на два дня (*Dial.* 10–74.3 и *Dial.* 74.4–141.5); – заключение, описывающее прощание собеседников (*Dial.* 142).

В дошедшем до нас тексте сочинения не содержится описаний окончания беседы в первый день и ее возобновления во второй, когда послушать диалог приходят новые собеседники. Известно, что лакуна между *Dial.* 74.3 и 74.4 достаточно велика. Очевидно, что Иустин, тщательно описывавший до этого момента все подробности диалога, его обстановку, поведение слушателей и даже их жесты, не мог обойти молчанием столь существенный момент, как перерыв в беседе и ее возобновление на следующий день.

В конце разговора Трифон упоминает о намерении Иустина в ближайшее время отплыть на корабле (*Dial.* 142.1), что предполагает предварительное замечание об этом самого Иустина, которого нет в сохранившемся тексте «Диалога». В *Dial.* 142.5 мы видим обращение к Марку Помпею, к которому также относится «φίλτατε» в *Dial.* 8.3. На основании этих двух обращений обычно делается вывод о том, что адресат «Диалога», как и место его проведения, указывались в утраченном вступлении к сочинению. Представляется, что утраченное вступление не содержало в себе посвящения адресату, поскольку в сочинении св. Иустина тогда получилось бы слишком сложное смешение жанров пересказанного диалога и послания. Вступление, таким образом, скорее всего, либо было неким не конституирующим элементом, либо также являлось элементом рамки пересказанного диалога. Второй вариант кажется более убедительным в свете обилия параллелей сочинения св. Иустина с Платоновским корпусом⁴³. На основании этого мы вправе предположить, что введение и описание окончания первого дня беседы и начала второго также лежат в русле традиции платоновских диалогов. Таким образом, рассмотрение диалогов Платона в качестве фона для «Диалога» св. Иустина позволяет предположить, как могли выглядеть его утраченные части и ответить на вопросы исследователей, связанные с некоторыми особенностями композиции «Диалога»⁴⁴.

⁴³ Во вступлении, например, могла описываться встреча Иустина с Марком Помпеем, которому он и поведал о своей беседе с Трифоном и его друзьями. Подобное начало диалога мы видим в «Евтидеме», где Сократ пересказывает Критону свою беседу с софистами; в «Протагоре», где Сократ разговаривает с Другом; в «Федоне», где описывается встреча Эхекрата и Федона; в «Пире», где Аполлодор пересказывает другу некогда увиденное им.

⁴⁴ Например, в современной науке вопрос о том, зачем автор «Диалога» описывает именно два дня беседы, причем, с повторениями цитат Св. Писания и выводов Иустина во второй день, остается дискуссионным. Параллели с «Софистом» и «Тимеем» Платона дают воз-

Рассмотрим содержание элементов композиционной структуры «Диалога».

I. Первый день беседы

1) Начало «Диалога». Знакомство собеседников, завязка разговора о философии (Dial. 1–2.2)

Начало «Диалога» совершенно естественно рассматривать на фоне таких рамочных диалогов⁴⁵ Платона, как «Хармид», «Евтидем», «Протагор» и «Лисид». В этих диалогах мы также видим схожую беседу персонажей, представляющих собой столь характерную пару «учитель-философ – внимательный ученик», появляющийся в сопровождении спутников. В «Пире» и «Протагоре» Платон показывает стремление героев получить пользу от философской беседы.

2) Философские искания Иустина. Встреча и беседа со Старцем. Обращение Иустина (Dial. 2.3–8.1)

В Dial. 2.3–6 Иустин рассказывает о собственном странствии по философским школам. Как было показано, наиболее вероятным текстом Платона, послужившим фоном для данного отрывка, представляется «Апология Сократа», в которой Платон подробно описывает «хождение» Сократа к различным прославленным мудрецам с целью опровержения оракула, провозгласившего его самым мудрым. Примечательно, что результатом поисков истины Сократом является доказательство правоты божества, а в случае с Иустином, также жаждущим ее познать, ожидание возможности созерцания Бога.

Иустин пересказывает Трифону и его спутникам свою беседу со Старцем, образ которого сопоставим с такими персонажами рамочных диалогов Платона, как Сократ, Парменид из одноименного диалога, Диотима из «Пира», обучавшая молодого Сократа; мудрый старец Кефал из «Государства». В «Тимее» присутствует образ египетского жреца, поведавшего Солону о великой славе древних Афин.

3) Увещание Трифона Иустином, реакция Трифона и его спутников на слова Иустина, решение продолжить беседу (Dial. 8.2–9.3)

В заключение своего рассказа о том, как он стал философом (Dial. 8.2), Иустин обращается к Трифону с призывом познать Христа и стать Его учеником. Слова Иустина вызывают бурную реакцию у слушателей: спутники Трифона начинают смеяться, а сам он с улыбкой выражает одобрение ревности Иустина о божественном. Подобная реакция собеседника рассказчика на его слова присутствует в «Пармениде», причем здесь мы видим не только схожую ситуацию, но и текстуальную параллель: Парменид, улыбаясь, вы-

можно предположить, каков был замысел св. Иустина в данном случае. Важно отметить, что, несмотря на явное следование Иустина диалогам Платона, изложение двух дней беседы не является в «Диалоге» чем-то искусственным и выглядит достаточно реалистично.

⁴⁵ Здесь и далее приводятся только параллели с рамочными диалогами Платона. Параллели с другими диалогами Платоновского корпуса указаны в п. III. 4 диссертации.

ражает восхищение рвению Сократа. В заключении «Протагора» Протагор также одобряет некоторые рассуждения и рвение Сократа.

Смех и неприличный крик спутников Трифона в этой сцене приводят к попытке Иустина уйти, чему препятствует Трифон, удерживая его за одежду. Как уже говорилось, данный эпизод является ярким примером следования Платону, в «Протагоре» которого описывается, как при схожих обстоятельствах Каллий удерживает Сократа за плащ, не давая ему уйти. В «Государстве» мы также видим похожую ситуацию: Фрасимах, сказав речь, намеревается уйти, а другие участники диалога его не пускают, ожидая от него доказательств сказанного. Резкая реакция спутников собеседника на слова рассказчика также обычна для диалогов Платона. В «Евтидеме», например, мы видим смех и шум спутников братьев-софистов Евтидема и Дионисодора, описание которого иногда совпадает с рассказом Иустина текстуально. Шумят и последователи Протагора в одноименном диалоге.

4) Беседа в первый день: «Новый Закон и Новый Завет во Христе», доказательства мессианства Иисуса (*Dial. 10–74.3*)

Итак, Иустин, приводя обещанные Трифону доказательства того, что Христос есть Мессия, использует т.н. майевтический метод. Трифон, не соглашаясь с Иустином, иногда достаточно резко отвечает ему, порой даже оскорбляя его (например, *Dial. 38.1; 39.3; 67.2*). Спутники Трифона изредка выражают согласие со словами Иустина. Некоторые реплики диалога с Трифоном Иустин приводит не буквально, а в пересказе. В *Dial. 56.16* Трифон впервые упоминает о том, что день подходит к концу; в *Dial. 74.2* Иустин призывает собеседников обдумать слова Писания по приходе домой. В *Dial. 74.3* текст беседы обрывается (лакуна).

Примечательно, что все вышеизложенные элементы так же присутствуют в диалогах Платона, что позволяют рассматривать их как ту основу, на которой создавалось изложение беседы Иустина и Трифона. Так, в «Протагоре» и «Евтидеме» мы видим тот же композиционный прием, что и в *Dial. 56.2-3* и *66*, когда персонаж, от лица которого ведется повествование, пересказывает отдельные эпизоды беседы, передавая реплики ее участников в виде косвенной речи. Резкие замечания собеседника в адрес рассказчика присутствуют в «Евтидеме» и «Государстве». Указания в *Dial. 56.16* и *74.3*, как и в заключении «Федона», «Тимея» и «Софиста», готовят читателя к завершению беседы, продолжение которой последует на следующий день. Поскольку весь предыдущий текст сочинения св. Иустина полностью вписывался в традицию диалогов Платона, возможно предположить, что содержалось в утраченном фрагменте текста «Диалога». Скорее всего, беседа первого дня оканчивалась кратким подведением ее итогов, как мы видим в «Теэтете» (*Theaet. 201c-d*) и «Государстве» (*Resp. X 621c-d*), и некоторым призывом, например, к продолжению изучения Св. Писания (ср. призыв к соблюдению справедливости в заключении «Государства»). Также Иустин, вероятнее всего, назначил новую встречу на следующий день, возможно, в том же месте, т.е. в ксистерии, как мы видим это в «Теэтете».

II. Второй день беседы

5) *Беседа во второй день: доказательства мессианства Иисуса (продолжение), «христиане — Новый Израиль». Конец беседы (Dial. 74.4–141.5)*

Упоминание о начале второго дня беседы впервые встречается в *Dial.* 85.4, когда Иустин отмечает, что вкратце приводит большую часть того, что было сказано им «вчера». Иустин часто указывает на повторение уже изложенного им накануне, как на необходимое для введения вновь пришедших слушателей в курс дела. Спутники Трифона, пришедшие во второй день беседы, задают вопросы и просят продолжать речь. В *Dial.* 79.1 Иустин описывает гнев Трифона, вызванный христианскими толкованиями. Заметив его, Иустин начинает отвечать Трифону более вкрадчиво, чтобы расположить его к слушанию. После того как Иустин привел свидетельства Св. Писания о Христе как о Мессии, он переходит к рассуждению о христианах как о Новом Израиле. Одно из толкований Св. Писания на эту тему приводит к несогласию пришедших в этот день слушателей, закричавших «как в театре». Иустин замечает смущение своих собеседников тем, что назвал христиан из язычников сынами Божиими и, предварив их вопрос, отвечает им. Беседа второго дня также содержит пересказ Иустином отдельных ее эпизодов. В *Dial.* 137.4 Иустин указывает, что «солнце уже на западе», а в *Dial.* 141.5, окончив свой пересказ, обращается к Марку Помпею.

Подобное описание беседы содержит ряд характерных для рамочных диалогов Платона элементов. Это изображение гнева собеседника на рассказчика, который, заметив состояние своего оппонента, старается смягчить ситуацию, которое мы также видим в «Протагоре», «Евтидеме» и «Государстве»; крик спутников Трифона, аналогии которому мы находим в «Евтидеме» и «Протагоре», где присутствует сравнение кричащих последователей Евтидема и Протагора с хором; повторение композиционного приема, присутствующего в «Протагоре» и «Евтидеме», когда рассказчик пересказывает отрывок беседы (во второй день это *Dial.* 78.6 и 42.3).

Представляется, что описание начала второго дня беседы, отсутствующее в дошедшей до нас рукописи, так же, как и весь предыдущий текст «Диалога», укоренено в традиции платоновского диалога. Так, в начале «Тимея» собеседники просят Сократа повторить вкратце все сказанное им накануне, в «Софисте» также постоянно вспоминается то, о чем говорилось в первый день беседы. В «Диалоге» мы также видим многократное указание рассказчиком на повторение им уже изложенного накануне, причем, во второй день беседы, подобно тому, как это происходит в «Софисте», у Иустина появляются новые слушатели.

6) *Прощание собеседников. Заключение (Dial. 142)*

В завершении беседы Трифон от лица себя и своих друзей радуется, что этот разговор состоялся и говорит, что еще больше пользы принесли бы более частые встречи. Здесь он, а позднее и сам его оппонент, отмечает, что Иустин ежедневно ожидает корабля. Трифон просит вспоминать их как друзей, на что Иустин отвечает, что ежедневно беседовал бы с ними о Писании, что невозможно по причине его грядущего отплытия. Призвав Трифона и его

спутников продолжать изучение Св. Писания, предпочтя Христа иудейским учителям, Иустин расстается со своими собеседниками. Иустин указывает также, что при расставании они молились о благополучии его путешествия, а он – о том, чтобы они уверовали во Христа.

Заключение «Диалога» также вобрало в себя множество мотивов, характерных для концовок диалогов Платона. Ранее уже отмечалось, что это и готовность собеседника к продолжению подобных бесед, которую мы видим в словах героев таких рамочных диалогов как «Протагор», «Евтидем» и «Хармид»; и упоминание о предстоящем деле, задающее окончанию диалога перспективу, что можно проследить в «Протагоре» и «Пире». Также яркой параллелью концовки «Протагора» и «Диалога» является доброжелательное расставание оппонентов, так и не пришедших к согласию, но готовых и дальше вести диалог.

Итак, в «Диалоге» мы видим множество параллелей почти со всеми рамочными диалогами Платона. Подробно и последовательно рассмотрев «Диалог» мы еще раз убедились в его жанровой природе и принадлежности к традиции платоновского диалога. Как мы видели, св. Иустин, воспитанный в этой традиции, свободно контаминирует в своем труде различные композиционные приемы, идеи и образы диалогов Платоновского корпуса: параллели с ними появляются в «Диалоге» не случайно и эпизодически, а на протяжении всего текста, что и позволяет усматривать в них литературную основу и постоянный фон, определивший жанровую специфику «Диалога».

В Заключении излагаются результаты выполненного диссертационного исследования:

1) В результате анализа историко-литературной ситуации II века было установлено, что иудео-христианская полемика того времени не повлияла на *литературную форму* «Диалога». Как мы видим из текста сочинения, главные собеседники, эллинизированный иудей Трифон и христианин Иустин, обсуждают острые вопросы истинной интерпретации Св. Писания крайне дружелюбно, что соответствует, скорее, атмосфере, характерной для диалогов Платона, а не для иудео-христианской полемики, которая тем не менее определяет *содержательную* сторону «Диалога».

Сопоставление «Диалога» с двумя другими раннехристианскими полемическими сочинениями того же жанра показало следующее:

– Сопоставление с «Прением Иасона и Паписка», полный текст которого утрачен.

На основании свидетельств древних авторов об этом диалоге, можно говорить о принадлежности «Прения» и «Диалога» к разным литературным традициям. Оба сочинения, близкие с точки зрения содержания, написаны в жанре диалога, но «Диалог» св. Иустина представляет собой сложную литературную конструкцию, текст, ориентированный, скорее, на образованного читателя, а «Прение», будучи адресовано простым христианам, – популярное сочинение, написанное обычным языком.

– Сопоставление с «Октавием» Минуция Феликса.

Можно говорить о большей близости этого сочинения и «Диалога» по форме, нежели чем по содержанию. Несмотря на то, что оба диалога содержат рамку и в них используются некоторые общие литературные приемы, источником которых являются диалоги Платона, «Октавий» и «Диалог» также принадлежат к разным литературным традициям. Действительно, влияние диалогов Платона на текст «Октавия» является *опосредованным*, поскольку образцом для Минуция Феликса служили, прежде всего, сочинения Цицерона. В случае с «Диалогом», мы видим *непосредственное* влияние на его литературную форму диалогов Платона и, разумеется, принадлежность к греческой традиции.

2) В результате рассмотрения истории изучения «Диалога» в историко-литературном аспекте нами было показано, что жанр «Диалога» не рассматривался в науке специально и, более того, даже четко не определяется в современных исследованиях. Нечеткость определений до некоторой степени связана с присутствующими в начале и в середине сочинения св. Иустина лакунами. Утрата столь важных для композиции всего «Диалога» частей – вступления и перехода от первого дня беседы ко второму – не могла не сказаться на его восприятии в целом, что также приводит к негативным оценкам литературной стороны сочинения. Но главной причиной нечеткой или неправильной оценки «Диалога» св. Иустина следует считать отсутствие систематического анализа его жанровой природы и литературной традиции, в которой он был написан.

В нашей работе показано, что исследуемое сочинение св. Иустина представляет собой пересказанный диалог с достаточно сложной рамочной структурой. Исследование жанра и композиционных особенностей сочинения позволило установить его непосредственную связь с диалогами Платоновского корпуса. В пользу принадлежности «Диалога» к литературной традиции диалогов Платона говорит множество параллелей и аллюзий на них в тексте св. Иустина, а также ряд композиционных особенностей, характерных именно для диалогов Платоновского корпуса. Соотнесение «Диалога» с предыдущей жанровой традицией помимо прочего позволяет также предположить, как могли выглядеть утраченные части «Диалога».

3) В результате исследования были найдены многие новые параллели и аллюзии к сочинениям Платона и его школы, проявившиеся как на текстуальном уровне, так и на смысловом – в сходстве позиций действующих лиц, отдельных ситуаций, в композиционных приемах. Эти параллели отражены в **индексе** к данной работе наряду с найденными другими исследователями.

Прежде всего, в «Диалоге» мы видим множество параллелей почти со всеми рамочными диалогами Платона, в особенности с «Протагором» и «Евтидемом», а также «Хармидом», «Парменидом», «Лисидом» и «Государством»; параллели с «Пиром» Платона встречаются реже. Из других диалогов Платоновского корпуса довольно часто встречаются параллели с «Горгием» и рамочными диалогами «Эриксий» и «Аксиох». Обилие этих параллелей, а также свободное и творческое использование в «Диалоге» различных композиционных приемов, идей и образов, характерных для диалогов Платона,

убеждает нас в жанровой природе «Диалога» и его принадлежности к традиции платоновского диалога, представленной как диалогами самого Платона, так и прочими диалогами Платоновского корпуса.

В работе было подробно показано, что параллели с диалогами Платона в «Диалоге» не случайны и не фрагментарны, а помимо некоторых общих литературных приемов и средств содержат все основные элементы рамки диалогов Платона (описание места, времени беседы, ее действующих лиц, их взаимоотношений, наличие философской темы беседы, внимания рассказчика к ее правильному проведению, к эмоциональной реакции собеседников, особенности завершения беседы и пр.).

Обилие указанных параллелей не означает, что Иустин находился в полной зависимости от Платона и пытался «платонизировать» христианство, а, скорее, показывает преемственность «Диалога» и литературного феномена диалогов Платона, а также не принадлежащих Платону диалогов Платоновского корпуса, которые, в силу образования Иустина, являются для него некой общекультурной базой литературного творчества.

4) Подробно проанализировав параллели «Диалога» и рамочных диалогов Платона мы убедились, что их присутствие оправдано с точки зрения содержания и не ограничивается лишь внешним воспроизведением св. Иустином элементов рамки диалогов Платона. Восприятие св. Иустином литературной традиции платоновского диалога не сводится лишь к механическому чисто внешнему подражанию форме пересказанного диалога, хотя приемы и образы платоновских диалогов оказываются постоянным фоном, определяющим основные особенности «Диалога».

5) О том, что связь «Диалога» с литературной традицией платоновского диалога не была формальной, свидетельствует также восприятие его автором интенций диалогов Платона: в сочинении мы видим не просто выражение полемики, а попытку убедить собеседника, помочь ему обрести истину. Принципиально важным является то, что Иустину его оппонент видится столь же дружелюбным, стремящимся к истине и готовым ее принять, как некоторые собеседники Сократа. Возможно, ориентация на традицию платоновского диалога была также обусловлена тем, что св. Иустин, подобно Платону, стремился задать общий стиль и тон богословских бесед в своей философской школе в Риме.

б) Предложенный подход и проведенный анализ позволяют решить проблему исторической достоверности отдельных деталей «Диалога». На многочисленных примерах было показано, что деталь, претендующая на историчность, вводится в «Диалог» постольку, поскольку имеется соответствующая параллель с диалогом Платона, или тогда, когда ее появление обусловлено общими жанровыми требованиями пересказанного диалога.

При рассмотрении «Диалога» только на фоне раннехристианской литературы, это сочинение св. Иустина представляется единственным в своем роде произведением. Хотя и среди языческих текстов этого времени мы не найдем столь верного воспроизведения жанровых, композиционных и стилистических черт платоновского пересказанного диалога, «Диалог» тем не менее

является вполне органичным для своей эпохи, если принять во внимание, до какой степени сознательно и убедительно св. Иустин воспроизвел в нем один из классических образцов греческой прозы IV в., поддержав тем самым тенденцию, столь ярко проявившуюся в сочинениях т.н. «второй софистики» с ее культом литературы прошлого. Предложенный взгляд на сочинение св. Иустина позволяет ярче представить и общую картину греческой литературы третьей четверти II в. по Р.Х.

В **Приложении**⁴⁶ к данной работе приведен исчерпывающий материал для характеристики основных образов «Диалога» (Иустин, Старец, Трифон), которые сопровождаются соответствующим анализом и обзором полемики, что придает настоящему исследованию характер своего рода сводки и итога исследовательской работы в этом направлении.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ:

в публикациях в изданиях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, и статьях, опубликованных в сборниках научных трудов и периодических изданиях:

1. Зуева Е.В. Ветхозаветные цитаты в структуре «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Вып. 2 (22). М., 2008. С. 28-44.

2. Зуева Е.В. Влияние пересказанных диалогов Платона на жанровые и композиционные особенности «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Чтения памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 192-203.

3. Зуева Е.В. Рецензия на издание: Justin. Apologie pour les Chrétiens. Introduction, Text Critique, Traduction et Notes par Ch. Munier. P.: Cerf, 2006. (SC № 507) // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Вып. 1 (25). М., 2009. С. 98-104.

4. Зуева Е.В. Влияние пересказанных (рамочных) диалогов Платона на литературную форму «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) // Материалы XX ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2010. С. 203-207.

5. Зуева Е.В. Исторический факт и литературный прием в «Диалоге с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. Вып. 2 (24). М., 2011. С. 27-31.

6. Зуева Е.В. Композиционная структура «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа на фоне пересказанных диалогов Платона // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Чтения памяти И.М. Тронского. СПб., 2011 (в печати, выход – июнь 2011 г.).

⁴⁶ Приложение к разделу III включает в себя шесть небольших глав: 1) Плащ философа; 2) Путь философских исканий Иустина; 3) Интерпретации образа Старца и возможные параллели; 4) Характер Трифона в «Диалоге»; 5) Правдоподобность образа Трифона; 6) Трифон: возможные источники образа и имени.